

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАКТИКИ СОЗДАНИЯ БУДУЩЕГО

Ю.В. ГРОМЫКО

Основная проблема философии развития – имманентность и трансцендентальность

Одна из важнейших проблем Философии Развития состоит в определении того, откуда берется будущее, которое является более сложной и более богатой к различным возможностям реальностью.

Мы обозначим две основные позиции по данному вопросу. Согласно первой, все характеристики будущего представлены в осознании и воспроизводстве той целостности, в которую мы включены самим фактом нашей жизни. Будущее имманентно, исходно, хотя и не непосредственно, присуще нашей жизненной и деятельностной включенности в ситуацию.

Согласно второй позиции, полагание будущего требует выхода за горизонт представленных в наличной ситуации возможностей. Эта точка за горизонтом данных возможностей образует особую линию перехода, которая обозначается как трансцендентальное движение. Линия перехода может обозначаться как трансцендентное место, если мы уверены в его натуральном физическом существовании, или как трансцендентальное, если мы его связываем с нашим особым способом действия.

Принятие первой позиции предполагает раскрытие форм обнаружения в осознании и формах воспроизводства существующего, но не выявленного целого. В случае второй позиции требуется пояснение того, что из себя представляет тот способ действия, который выводит нас за горизонт имеющихся возможностей.

Объединение двух позиций к формированию будущего – трансцендентального и имманентного *на основе имманентного подхода* осуществлено в философии Ж. Делёза за счет его новой трактовки философии Спинозы. Синтез этих позиций *на основе процессов трансценденции* осуществляем в данном случае мы, давая особую трактовку системомыслительностного подхода.

Если мы стоим на точке зрения, что развитие возможно и необходимо, мы вынуждены создавать условия для развития. Этими условиями развития являются одновременно улавливание в сознании возможности более сложно структурированного целого – следующего шага продвижения этого целого, взятого в его динамике, и предъявление мыслительной формы, которая обнаруживает эту принципиально большую усложненность целого. Таким образом, имманентное – это анализ того, как на основе сознания происходит улавливание жизненного целого. А трансцендентальное – это как на основе проспективно-ориентированного мышления создается новая мыслительная форма действия, позволяющая выйти за границы сложившихся привычных форм существования.

Улавливание жизненного целого большей сложности предполагает выявление той реальности жизни, в которой мы находимся, взятой в ее полноте на основе преодоления всякой нашей частичности. Таким образом, источники развития находятся в самой исходной ситуации, которая схватывается сознанием. Этот момент соотнесенности открытого к будущему сознания и уже сложившихся, представленных во всем разнообразии форм жизни, мы называем жизнестратегией.

Жизнестратегия характеризует форму имманентизации сознания, внутреннего обнаружения его принадлежности к сложившимся системам жизни и их основным характеристикам. Собственно, из этой имманентизации и рождается трансцендентализация – выявление оснований, при которых эта наращивающая свою сложность жизнь оказывается возможна. Трансцендентализация – это своеобразная тень, сопровождающая имманентизацию, аура, движущаяся по контуру жизненного тока, запрещающая превращения результатов имманентизации в вещь, во что-то «остановившееся» и законченное, т.е. в трансцендентное, в отличие от трансцендентального. Подобное превращение тени, ауры в вещь означает остановку тока самой жизни. Но эта тень, эта аура жизни, лишь сопровождающая жизнь и являющаяся ее отблеском, выступает условием того, что жизнь осознается и, следовательно, существует для сознания, а поэтому действительно существует.

Так организованное трансцендентальное сознание является субстратом мышления, которое решает задачу воспроизводства целостности жизни и, следовательно, ищет и обнаруживает форму организации жизни. Форма организации жизни всегда выражается в схеме действия или деятельности. Под *схемой* мы понимаем принцип действия, зафиксированный в графической форме. Значимость схемы состоит в том, что она позволяет *видеть* сознанию принципы действия в реальности.

Трансцендентальное сознание — это сознание, способное вычленять схему действия, воспроизводящую ситуацию, которая сложилась естественно в результате множества единичных событий и в силу ее неповторимых характеристик. Такая схема действия выносится сознанием в будущее, ибо только относительно будущего данная схема выступает как вся жизнь в ее множественных особых характеристиках, как точка кристаллизации всей жизни. Поэтому трансцендирующее сознание — это всегда проспективно ориентированное, проектирующее сознание. Эта схема действия, выносимая в будущее, определяет смысл ситуации, который может переживаться как свет, направляющий движение, например, как свет Бога, который и есть знание. Этот свет в виде *про*-света, *про*-гала, *про*-секи определяет смысл нахождения нас в определенной ситуации, откуда мы и начинаем движение в будущее. Весь вопрос, безусловно, в той схеме, которая может выноситься в будущее и которая символизирует характеристики и особенности целостности сложившейся жизни. Но эта схема ни в коей мере не является схемой жизни, поскольку схема жизни — это всегда бледный слепок жизни, ее формальная абстракция.

Схема как противостоящая жизни является не схемой жизни, но схемой формы жизни, которая выражает, определяет воспроизводимую деятельность. Эта схема формы жизни специально создается, и этим она отличается от естественно складывающейся в силу уникальных обстоятельств жизни. Итак, схемой формы жизни является воспроизводимая деятельность. У деятельности есть свои законы, и о ней как особом метапредмете, рефлексивной дисциплине, возможна наука: наука о деятельности. Например,

Методологическая (комплексная полидисциплинарная) Теория Деятельности. Но реализация схемы формы жизни, которая есть воспроизводимая деятельность, — это всегда некий определенный произвол конкретной личности, осуществляющей свое действие вопреки сложившимся обстоятельствам и претендующей на преодоление этих обстоятельств. Именно конкретная личность всегда утверждает схему формы жизни в будущем. Поэтому, рассуждая о сознании, которое сопровождает пробивающуюся жизнь и несет в себе переживание сопричастности источнику жизни, мы всего лишь выявляем и описываем доличностный уровень организации сознания — сознания, способного взять на себя ответственность за воспроизводство целостности жизни. Этот доличностный уровень номотета, государственного деятеля-практика устанавливает Платон, связывая его со структурно-статической способностью к восприятию первообраза. Доличностный уровень сознания, необходимый для того, чтобы нечто существовало, чтобы был город и государство, а не рыхло-пористое паразитирующее на Государстве «открытое к распаду» общество, через практико-нравственную форму действия утверждает жизнь.

Но, с другой стороны, хорошо понятно, что или отвечает, или не отвечает за воспроизводство целостности жизни конкретная личность. Эта ответственность за целостность жизни характеризует нравственное действие, поскольку оно находится в неразрывной связи со сложившимися нравами людей, проживающих в данном конкретном месте. Но оказывается не рабски привязано к этим сложившимся нравам, а выражает их внутреннюю ценностную суть, как бы порождающую любой конкретный нрав, обнаруживает идеальную природу — этос нравов, что и характеризует нравственный принцип. Появление личности, которая осуществляет нравственное практическое действие, прежде всего предполагает открытие личностью самой себя как уникальной нециклической неповторяющейся единицы, но которая может увеличивать и наращивать свою духовную мощь, решая важнейшую и единственную задачу человечества, продвигаясь к спасению и бессмертию. Личность открывает свою неповторимую уникальность и обнаруживает себя только во

взаимодействии с другими личностями. Безусловно, этот горизонт движения человека становится возможен только с появлением Христианства и возникновением Церкви. Собственно, выделение Иисуса Христа в качестве образца совершенного человека, который учил быть «совершенным, как Отец наш Небесный...», ставит перед всяким человеком, верующим в бессмертие, задачу теозиса-обоживания как конкретной практики совершенствования-развития.

Данная конкретная личностная революция кардинально изменяет взгляд на соотношение идеального и реального, совершенно по-новому конституирует практику мышления и идеальную действительность, а также в дальнейшем приводит к разделению идеального и виртуального, при котором виртуальное перестает отождествляться с возможным (о чем справедливо писал Делёз). Но самое главное, что эти преобразования создают совершенно иное представление о трансцендентальном.

Аура, сопровождающая имманентное-жизнь, обретает свою динамику, свои независимые от имманентного характеристики. Очень важно, что трансцендентальное при подобном взгляде отличается от хорошо описанного в немецком идеализме разделения мира (единого) на бытие и мышление. Основной момент этого отличия состоит в том, что трансцендентальное, о чем мы писали выше, является идеальными характеристиками сознания, сопровождающими жизнь, вплетенными в осуществление самой повседневной жизни. В определенный момент сгущенные, сконденсированные идеальные структуры сознания могут быть выделены в качестве подосновы, своеобразного «гумуса», «почвы», на которой разворачивается мышление. Но этот момент противопоставления жизни, представленной как бытие, как существующее, и мышления является частным случаем взаимоотношения имманентного и трансцендентального. Более важный момент состоит в том, что само разделение на мышление и бытие определяет структурное пассивное разделение. Конечно, затем соотношение мышления и бытия может приобретать динамические характеристики и выстраиваться в виде определенных процессов: охвата мышлением бытия, противопоставления мышления бытию и т.д.

Но само противопоставление делает мышление пассивным элементом структуры, если только сразу же не вводить рефлексивное метабытийное мышление, которое охватывает само разделение мира на бытие и мышление. Причем в это, обнаруживающее пассивность, разделение, в эту остановку мышления, можно быть вытолкнутым совершенно неожиданно, например, за счет того, что активная динамичная жизнь превратится в объект мышления – в бытие. Динамические же характеристики, определяющие трансцендентальное, сохраняются, если обнаруживается процесс самовозрастания уровня организации сознания, являющейся идеальной основой языков мышления. В этом случае, как мы говорили, трансцендентальное не противостоит процессам жизни – имманентному, но сопровождает его.

Каким же образом можно выявлять уровни организации сознания? Эти уровни определяются возможностями действия, самими схемами действия, которые должны быть предъявлены как конкретные зафиксированные вещи. Именно поэтому трансцендентальное может характеризоваться и описываться как схематок, как движение схематом, которые позволяют выделить схемы действия, соответствующие уровню организации сознания. Трансцендентальное является выделяемыми схемами организации действия человека в данной конкретной жизненной ситуации. Конечно, очень важно, чтобы схема, организующая действие человека, не подменяла бы саму жизнь, а выступала лишь точкой кристаллизации, вокруг которой заново начинается организовываться жизнь. Это возможно лишь в том случае, когда схема, организующая действие, не превращается в противостоящий объект, выделенный и вырванный из процессов жизни, но сама данная схема остается «вплавленной» в формы взаимодействия с другими людьми, в повседневную жизнь данного человека.

Соотношение виртуального и идеального в мышлении становления

С другой стороны, речь идет именно о схеме: об определенных принципах действия, представленных в виде идеальных характеристик, отделенных от самой жизненной

ситуации. Эта изоляция и отделение характеристик, представленных на схеме в виде самостоятельно существующих элементов – конструктивов схемы, освобождает человека от привязанности его восприятия к непосредственно наблюдаемым предметам. Феноменальное, наблюдаемое отделяется от идеального, идеализованного. Но разделение идеального и феноменального может не предполагать вытеснение и поглощение наблюдаемого идеальными характеристиками. В этом и состоит отличие многомерного сознания от плоского сознания: для первого одновременно существует то, что данный человек воспринимает вместе с другими людьми, и то, что выделяется в виде идеализованных, новых характеристик предметов и вещей. Эти идеальные элементы в виде конструктивов схемы могут удерживаться в противопоставлении наблюдаемым вещам и ситуации, тогда на их основе может формироваться идеальная действительность, «формы вещи, но вне самой вещи». Но идеальные элементы могут выступать ступеньками, целыми горизонтальными маршами «лестницы», по которым осуществляет восхождение человек, перемещаясь на все более высокие уровни организации сознания. В таком случае данные идеальные элементы – это ни что иное, как зафиксированные символы определенных актуализированных состояний сознания, которые, для того чтобы устойчиво воспроизводиться, могут быть целенаправленно инструментализированы, оснащены определенными средствами в виде знаков и схем. Поднимаясь со ступеньки на ступеньку, занимая определенный лестничный марш, человек находится в определенном горизонте-ракурсе понимания, опирается на определенные возможности действия. Собственно, эти состояния сознания, специально инструментализированные для их воспроизводства, переводимые в знаки для того, чтобы превращать их в предмет мыслекоммуникации с другими людьми, образуют виртуальную действительность. Именно на основе данного разделения и сведения до взаимопроникновения идеальной и виртуальной действительностей могут быть различены и взаимно соотнесены программа Э.В. Ильенкова и Жюль Делёза. За каждой из этих философских программ стоит свое представление о практике философского мышления

и мышления вообще. Соотнесение этих двух программ восстанавливает единство мирового философского процесса в стороне от ресурсов англосаксонской аналитической философии, поскольку неслучайно наиболее загадочной философской фигурой для этих двух мыслителей оказывается Бенедикт Спиноза с его идеями субстанциального монизма.

Условием синтеза этих программ является, на наш взгляд, системомыследеятельностная философия, разрабатывавшаяся в ММК (Московский методологический кружок), прежде всего, в работах Г.П. Щедровицкого, Н.Г. Алексеева. Неслучайна особая обращенность основателей этой программы к творчеству И.Г. Фихте – к его идее дело-действия и ракоходному движению – как родоначальнику и предшественнику данной формы философствования, обозначенной самим И.Г.Фихте как трансцендентальный идеализм. Именно взгляд И.Г. Фихте является обязательным вторым фокусом философии Б. Спинозы при восстановлении всей полноты философского процесса, позволяющим установить соотношение материальной субстанциальности и идеального мышления, а также имманентности процессов жизни и трансцендентализма при обнаружении восходящего шага развития форм жизни.

Мыследеятельностная трактовка трансценденции.

Трансценденция и чистое мышление

Для того чтобы выделять и конкретно анализировать деятельностные процессы как субстанциальные характеристики устройства современного мира, необходимо иметь мышление, способное представлять процессы сегодняшнего мира как деятельность. Но на основе подобного мышления важно не только представлять процессы деятельности как находящийся вне нас и безразличный нам объект, но и осуществлять, проживать внутри этого мышления действие. Мышление, основу которого составляет, если использовать язык И.Г. Фихте, дело-действие, и трансценденцию – трансцендирование за рамки сложившихся форм существования. Именно это мышление создает схемы для действия человека, на основе которых и могут выделяться субстанциальные характеристики современного мира, а также предла-

гаться принципиально новые формы действия, преобразующие мир. Впервые трансценденцию как мыследеятельностный процесс предложил рассматривать Н.Г. Алексеев. За счет трансценденции человек осуществляет выход в поле новых возможностей действия. Это занятие человеком определенной позиции в мышлении, прежде всего, по отношению к будущему, характеризует его способ существования, форму проживания в мышлении будущего в отличие от эссенциалистских (сущностных, вещных) характеристик противостоящего ему объекта. Важно не то, как устроен объект, а что делает сам человек, задавая свое представление об устройстве ситуации и намечая в мышлении новый способ действия. Именно в трансцендирующей мысли человек, переносясь в будущее, обгоняет неповоротливые институты.

Трансценденция является выходом за границы сложившихся институционально-деятельностных возможностей, которые выявляет человек, осуществляя процесс восхождения к более высокому уровню организации сознания. Трансценденция — это метаинституциональное действие личности. Но это одновременно и попытка наметить, увидеть, вычленил новый, более высокий уровень организации жизнедеятельности. Человек, повышая уровень организации сознания, «тянет» за собой в своем видении уровень организации жизни. Более высокий уровень организации сознания позволяет воспринимать более интенсивно организованной и жизнь. Но это видение не является видением объекта, онтологией. Это, скорее, онтика, поскольку, выстраивая подобное сущностное видение, человек сохраняет предельную чувствительность к тому, каким видением складывающейся формы жизни обладают другие люди, с которыми он находится в процессе мыслекоммуникации, какую позицию они занимают, на каком уровне организации сознания они находятся. В этом случае создаваемая им схема не вытесняет тех картин сознания, которые выявляются при взаимодействии с другими людьми. Другое дело, для того, чтобы действовать, необходимо осуществлять процесс проблематизации данных картин сознания. Собственно, проблематизация является основным поединком-ритуалом

действия интеллектуалов (если пользоваться языком Рэндала Коллинза), начиная с возникновения в европейском ареале сократо-платонического диалога.

Таким образом, человек, формирующий практику будущего, – это личность, осуществляющая практику личного развития и восходящая к более высоким уровням организации сознания на основе трансцендирующего мышления, позволяющего построить схему действия и находящегося в мыслекоммуникации с другими участниками общественной практики. Выделяемые в трансцендирующем по отношению к сложившейся форме жизни схемы являются продуктом и средой чистого мышления. Именно теоретическое чистое мышление направлено на формирование новой практики, поскольку его интересует истина, и оно противостоит сложившейся практике. Но это чистое мышление, обнаруживающее свою действительность в идеальных схемах и виртуальных формах движения, «лестницах» восхождений и нисхождений, связано системой переходов с рядами других мышлений: рефлексивным метамышлением, которое надстраивается и охватывает и коммуникацию, и мыследействие, и само чистое мышление; понимающим «семантическим» мышлением, движущимся в различениях и смыслах; операционально-конструктивным мышлением на моделях и схемах; категориально-языковым мышлением; мыслекоммуникативным мышлением в ситуации коммуникативных взаимодействий, мышлением в ситуации действия и т.д. Чистое мышление выступает завершающей предельной точкой этих разных типов мышления, включенных и осваивающих полную систему мыследеятельности, разные типы материально-языковых, знаковых элементов, включая и состояния сознания.

Но само чистое мышление может рассматриваться и как идеально-спекулятивный элемент этого ряда и как виртуальная сфера данного ряда различных типов мышления. Идеально-спекулятивный элемент связан с обособлением и выделением мыслительности рассуждения как способности рассудить, осуществить суждение в разуме в отношении к идеальной строго выделенной и очерченной характеристике, к идеальному предмету. Этот идеально-спекулятивный

элемент полагается как ядро синтетического типа духовной активности мышления, отделяемое от других духовных активностей: понимания-уразумения; проникающей понимающей воззрительности-вообразительности; рефлексивной осознанности; целепостановки и целеобретения; нахождения четкой словесно-терминологической формы номинативной фиксации и т.д.

Чистое же мышление как виртуальная сфера является открытой областью принципиально новых возможностей, внутри которой развивается не столько отдельный человек, сколько обнаруживает свое становление сам человеческий род. Здесь возможно и образование новых мыслительных языков, которые еще только формируются и должны быть обнаружены; и «мышление на высоких скоростях» (О.И. Геннисаретский), трансфигурирующих и снимающих материально-телесное присутствие в мышлении; и мышление, перевертывающее перспективы видения: проективности прошлого и историцизмы будущего; и различные системы коллективно-сетевого мышления с поиском новой фигуры антропоса в мышлении на основе постановки принципиального вопроса: «Кто, собственно, мыслит?»; и новые формы проблематизации и фиксации проблем, новые типы проспективно-устремленной активности в форме мыслительного визионерства. Хорошо понятно, что без выхода в чистое мышление новых возможностей — совсем не априорное, но виртуальное Мышление Становления, расплавляющее однозначность устоявшихся различий и границ, размышлять о развитии и намечать горизонты развития невозможно. Это связано и с тем, что, поскольку развитие охватывает весь земной шар и все человечество и не может существовать российского развития в отличие от французского развития, то в этом Трансцендирующем мышлении становления придется устанавливать границу между индивидуальными формами осознания, коллективно-сетевыми ресурсами понимания и родовой памятью. Мышление Становления, образующее основу Философии Развития, для нас интересно и принципиально только как Мышление Спасения. В этом мышлении линия восходящего движения только нащупывается. Но именно здесь и заключена его ценность —

это мышление осуществляет поиск путей продвижения к будущему.

Проблематизирующее мышление и развитие

До настоящего момента мы рассматривали проблему Мышления Становления из фокуса анализа сознания, поскольку, на наш взгляд, для того, чтобы ставить проблему развития, необходимо как предпосылку и возможность развития общества выявлять процесс развития личности. Фиксировать новые горизонты общественного развития в рамках старых уровней организации сознания невозможно. Но проблема планетарного развития может точно также фиксироваться из следующих фокусов:

- развития и усложнения знания, техноэпистемических и антропоэпистемических систем;
- развития типов, систем, комплексов и сфер мыследеятельности;
- развития институтов и профессиональных сообществ;
- развития планетарных деятельностно-природных систем и комплексов от человеческого тела до океанических акваторий и т.д.

Мы продолжим намеченные выше линии анализа и выявление современных представлений о сознании в статье «Мыследеятельностная концентриология» в следующем выпуске. Здесь же мы хотим перейти к объективированным представлениям о Мышлении Становления и постановке проблемы развития.

Мышление становления является проблематизирующим мышлением, мышлением в ситуации проблематизации. Собственно, мыследеятельность проблематизации, включающая в себя проблематизирующее мышление, мыслекоммуникацию проблемных дискуссий, позиционные мыследействия и противоборство в ситуации проблематизационного поединка образуют Событие проблематизации или на ином языке – Диалектическое Событие. Эти события проблематизации могут быть совершенно разного масштаба: локальными или мировыми. Событием проблематизации может быть и съезд физиков в Карлсруэ, принимающий решение о том, что атомы существуют, и вопросы Понтия Пи-

лата к Христу, и Вселенский Церковный Собор, утвердивший учение каппадокийцев, различивший природу и энергию. Именно события проблематизации являются тем, что выступает в качестве метасетевой и сверхсетевой организации мышления и деятельности. Событие проблематизации происходит в конкретной локальной ситуации, но как событие закрепляется и оформляется в истории. Восхитительная книга Рэндала Коллинза «Социология философии», посвященная выявлению мировых интеллектуальных сетей должна быть переписана. Сами сетевые связи между интеллектуальными фигурами должны быть различены с точки зрения процессов трансляции и процессов коммуникации. Процессы трансляции, являющиеся механизмом «филиации идей» (И.Г. Фихте), образуют своеобразную родовую историю интеллектуала, определяющую его рождение от конкретных родителей – предшествовавших ему мыслителей. Процессы же коммуникации разворачиваются в актуальной ситуации взаимодействия и включают в себя все – от формального знакомства до жестких диалектических поединков. Но именно среди этого коммуникативного разнообразия и необходимо выделить событие проблематизации как важнейший ритуал интеллектуалов, восстанавливаемый и воспроизводимый вновь и вновь разными способами, при помощи разных техник проблематизации. С этой точки зрения, история развития мышления это история процессов проблематизации как специально организованных процессов мышления. Собственно, по отношению к процессу проблематизации, его результатам и осуществляется суд и выносятся суждения беспристрастным рефлексивным метамышлением из третьей позиции по отношению к двум противоборствующим, способной организовать эти две.

Что такое развитие.

Постановка проблемы развития

Обернем все выше сказанное на проблему развития.

Развитие – это всегда прорыв во всей толще социального бытия, во всех слоях мировой истории, во всех областях духовности. Но для того, чтобы прорвать толщу, необходимо лазерным лучом прожигать точку. Где эта точка?

По миру ходит призрак эпистемической (знаниевой) революции и деятельностного переустройства мира. В работах двух целенаправленно недостаточно оцененных выдающихся методологов Жиля Делёза и Георгия Щедровицкого была решена проблема взаимосвязи процессов мышления и структуры знания, в работах русского философа и педагога В.В. Давыдова процесс прослеживания условий происхождения знания был опознан как понятие. *Независимо* разработанные теоретико-методологические программы Ж. Делёза и Г. Щедровицкого, в ходе реализации которых были получены *сопоставимые* результаты об устройстве знания в процессах мышления, позволяют зафиксировать *объективную* социо-культурную значимость полученных результатов.

Если видеть, что все системы производств, все типы научно-исследовательских и проектно-конструкторских институтов, все системы воспроизводства и потребления устроены как деятельность, как взаимосвязь процессов мышления, действия и коммуникации, т.е. как мыследеятельность, то знание устройства производства освобождает человека от необходимости это производство осуществлять. По Фихте, если Я (Ich) знает, как устроено действие, действие можно не осуществлять.

Это и было осознанно финансовым капиталом и крупными мировыми олигархическими семьями. Зачем поддерживать необходимые весьма дорогие производства в своей стране, например, в США, если я знаю, как устроено производство и могу найти страну, где воспроизводство рабочей силы не стоит вообще ничего. Экспорт производств в Мексику и Китай, который не предполагает инвестиций в механизмы воспроизводства, систему образования, превращает население этих стран в низкоквалифицированную рабочую силу, неспособную к интеллектуальному труду. А что остается значительным группам населения той страны, из которой вывезено производство? Постиндустриальное информационное общество, удушенное развлекательным телевидением, группы, специализирующиеся на примитивных и более изошренных торгово-посреднических услугах, и население, неспособное создавать сложные технологические системы и потребляющее дешевые товары низкого качества, произведе-

денные в странах «третьего мира». Стратегические типы занятости для молодежи подменены самозанятостью выживания. В результате страна потребляет и высасывает из мира больше, чем она способна в настоящий момент произвести.

Но подобная предпринимательская схема спекулятивного финансового капитала наталкивается на предпринимательскую схему промышленного капитала, нацеленного на создание «продвинутых систем изготовления» (advanced manufacturing systems). Действительно, для того, чтобы системы производств, вывезенные в слаборазвитые страны, не были присвоены элитой этих стран, технологическое отставание должно закрепляться. Для этого необходимо создавать в развитых странах промышленно-производственные технологии следующего поколения и специализироваться на экономике знаний, обеспечивающих услугу по замене одних технологий, весьма простых в эксплуатации, на другие, чуть улучшенные за счет новых «гаджетов» (Ж. Бодрийяр).

В борьбе финансового и промышленного капиталов, которые всегда договорятся между собой, поскольку они — «капиталы», отсутствует третье основание, которое мы бы осторожно назвали «планируемой социальностью», искусственно намечаемым принципом целевого движения. Данный принцип планируемой социальности и искусственного целевого движения позволяет осуществлять переход к следующему цивилизационному укладу.

Переход к следующему цивилизационному укладу не организуется по законам рынка, он сам определяет в дальнейшем организацию рынков. Это третье основание, противоположный капиталам (и промышленному и финансовому) принцип, заложенный в плановости, проектности и программности, очень серьезно ослабляет безудержные возможности финансового капитала извлекать прибыль из сырья и сверхдешевой рабочей силы, превращенной в сырье, лишая людей возможности воспроизводства. Способность страны участвовать в формировании нового цивилизационного техносоциокультурного уклада определяет существование данной нации как обладающей суверенной государственностью, проявляющейся в ее способности самостоятельно действовать.

Но что стоит за этой суверенностью? За ней стоит способность страны, используя фундаментальную практико-ориентированную науку, инновационную самодвижущуюся промышленность и развивающееся образование – комплекс полномасштабных производительных сил, – создавать принципиально новые прорывные технологии и присваивать эффекты развития от их системного употребления.

Население страны, которая не обладает этими тремя развитыми полисферами, обречено на прозябание и гибель.

Причем здесь призрак эпистемической революции? А вот причем. Если есть страна, которая понимает:

- как устроено развитие;
- что конкретно гарантирует участие в процессах развития любой другой стране;
- как конкретно организовать процессы развития,

то эта страна может осуществлять процесс переноса в любой другой регион, любую другую страну институтов фундаментальной практико-ориентированной науки, инновационной промышленности, развивающего образования и обеспечивать их взаимосвязь и стыковку друг с другом. В таком случае переход к следующему цивилизационному укладу связан с технодинамикой (М.Д. Дворцин) – с возможностью обеспечения трансферта технологий из одной страны в другую, с возможностью «перешагивать» на основе разработок фундаментальной науки через существующие критические технологии, ключевые технологии, с возможностью преобразовывать сложившуюся систему производств на основе технологий нового техно-производственного и социокультурного уклада.

Превращение технодинамики в реальность означает выход за рамки коллективно-иерархической собственности на технологии и преодоление структуры технологического феода советского производства (А.С. Шушарин). Социализма давно не существует, но сумели ли мы, например, в нашей стране преодолеть форму организации линейного поточно-го производства и выйти за рамки «технологического феода» там, где хоть что-то работает? В этом случае коллективно-групповая собственность на технологии снимается обобществленной в сетевом эпистемическом сообществе собствен-

ностью на практико-ориентированное знание, то самое знание, которое определяет не владение, но умение произвести и воссоздать технологии, а на основе технологий систему производств, а на основе производств систему потребления и перспективную жизнедеятельность. Гегель в «Философии права», относясь к знаменитому понятию Фихте «собственность на деятельность», различает два этих совершенно разных понятия собственности: собственность как владение и собственность как умение произвести.

Россия обладает возможностью вывести любой народ из ситуации неминуемой гибели и поставить на дорогу, двигаясь по которой можно обрести свою национальную миссию.

Но почему же, спросят нас, мы сами в своей стране не осуществляем развития и весьма вяло прорываемся к следующему цивилизационному укладу, хотя, казалось бы, для этого есть все предпосылки? По одной простой причине — у народа сегодня нет самосознания, народ не понимает, что он такое и чем он должен заниматься.

Возможно, обнаружив и актуализировав способность действовать не по законам рынка, а по законам справедливости, и выводить другие народы из ситуации неминуемой гибели, народы России осознают, к чему они призваны, и станут впервые нужны самим себе. Именно самосознание в ситуации самоопределения становится силой, конституирующей действующего субъекта.

Для того чтобы сформировать и сложить механизмы развития, необходим межцивилизационный диалог с другими народами, обеспечивающий преодоление «эгокультурности» (А.С. Шушарин), являющейся своеобразной слепотой на тысячелетние устремления другой культуры и другой цивилизации. Эгокультурность и есть другое название современной формы империализма, поскольку произвольное обоснование необходимости и допустимости эксплуатации и уничтожения других народов выводится из глубинных оснований собственной культуры.

Процессы развития по своей сути связаны с метакультурой как возможностью опознания и присвоения с позиции своей культуры других культур как высших ценностей.

Межцивилизационный диалог требует последовательной реализации метакультурного подхода. Метакультурный подход предполагает осуществление цивилизационного распределенного, позволяющего выйти за ограничения собственных цивилизационных стереотипов, а также предъявление в этом диалоге трансграничной идентичности, когда ценности и вершины инокультурного сознания воспринимаются как свои собственные за границей того культурного поля, в котором мы живем. Но трансграничная идентичность не означает преодоления в себе российскости и русскости и исхода из страны. Человек, который обладает трансграничной идентичностью — отнюдь не эмигрант. Россия — это наш плацдарм действия и форма обнаружения себя в мире. Трансграничная идентичность — способность воспринимать и опознавать каждую точку мира с позиций России.

Представленный в этом, философско-методологическом, выпуске журнала и охарактеризованный *в общем* принцип движения будет конкретизирован в следующем выпуске. Здесь при решении каждый раз конкретной проблемы в определенной области практики, авторы, разрабатывая гуманитарную стратегию, анализируют конкретную ситуацию, определяют ограничения сложившегося способа работы и намечают принципиально новый тип действия, который и образует форму работы с будущим. Подобный тип трансцендирования относительно сложившихся форм работы является способом решения той или другой практической проблемы, которую выявляют разработчики гуманитарных стратегий.